

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

В.Г. Ледяев

Государство Vs гражданское
общество: скрытые практики власти
и сопротивления

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Ledyaev_Gosudarstvo.pdf

Перепечатка с сайта НИУ-ВШЭ
<http://www.hse.ru>

URL: <http://www.civisbook.ru>

В.Г. Ледаев

ГОСУДАРСТВО VS ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: СКРЫТЫЕ ПРАКТИКИ ВЛАСТИ И СОПРОТИВЛЕНИЯ

Анализ проблемы «государство/гражданское общество» имеет несколько ракурсов. В их числе – рассмотрение взаимосвязи и взаимодействия государства и гражданского общества в терминах власти и господства. Данный подход акцентирует внимание на (1) формах власти государства над гражданским обществом, (2) формах власти, которыми обладает (может обладать) гражданское общество над государством, (3) возможностях и способах противодействия данным формам власти. Данный подход, разумеется, несколько упрощает сложные и многомерные отношения между гражданским обществом и государством, которые, в строгом смысле, не являются полностью самостоятельными и взаимодействующими между собой акторами. Однако в тех ситуациях, где государственные и политические институты существенно отделены от социума, власть и социум «представляют собой как бы две параллельные самовоспроизводящиеся области»¹. В России данная ситуация налицо, что и позволяет рассматривать государство и гражданское общество как противостоящие друг другу, т.е. выступающие в качестве субъекта и объекта власти.²

¹ Патрушев С.В. Власть и народ в России: проблема легитимации институциональных изменений // Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции. Ежегодник 2004. - М. РОССПЭН, 2004. С. 303; Rose R. Russia as an hour-glass society: a constitution without citizens // East European Constitutional Review. - 1995. - Vol. 4. - № 3.

² Выражение «власть *над* гражданским обществом» активно использует М. Мэнн. Он выделяет два типа государственной – «деспотический» и «инфраструктурный». Первый обозначает «совокупность действий, которую элита может осуществить без рутинных, институционализированных переговоров с группами гражданского общества», второй – «способность государство реально проникать в гражданское общество и реализовывать политические решения в своем пространстве» (Mann M. The autonomous power of the state // Power in Modern Societies /Ed. by Marvin E. Olson and Martin N. Marger.

Властные отношения между государством и гражданским обществом обычно носят не интегральный, а интеркурсивный (термин Д. Ронга)³ характер: объект не находится в полной власти субъекта, а имеет возможности оказывать обратное эффективное влияние в иных ракурсах. При этом баланс субъект-объектных отношений, в которых участвуют государство и гражданское общество может быть различным, тяготея в сторону того или иного полюса.

Спектр властных отношений между государством и гражданским обществом, в котором в качестве субъекта выступает государство⁴ можно свести к следующим формам: (1) законодательное регулирование деятельности граждан и гражданских ассоциаций, (2) корректировка условий функционирования гражданского общества и его ресурсов, (3) непосредственное формирование отдельных институтов и/или сегментов гражданского общества, (4) подавление тех элементов гражданского общества, которые создают угрозу государству и его носителям, (5) формирование определенной системы ценностей и поддержание господствующей идеологии. В свою очередь, гражданское общество может выступать субъектом политической власти, если обладает возможностями (1) участвовать в формировании государства и выборе правящей элиты, (2) оказывать влияние на принятие государственных решений и характер политического режима, а также, отчасти, (3) навязывать определенные политические ценности и ориентации.⁵

Разумеется, власть государства (элиты, правящего класса) и власть отдельных сегментов гражданского общества (социальных групп,

- Boulder: Westview Press, 1993. P. 315-316). Применительно к странам Латинской Америки была отмечена тенденция, позволяющая интерпретировать центральную власть как силу, которая «разрушает самоорганизующиеся и автономные политические пространства» (O'Donnell G., Schmitter P.C. *Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Transitions*. - Baltimore: John Hopkins UP, 1986. – P. 48; Шмидт Д. Какое гражданское общество существует в России // *Pro et Contra*. - 2006. - № 1. - С. 12).

³ В случае интегральной власти принятие решений и инициатива действия централизованы и монополизированы в руках одного субъекта, тогда как интеркурсивная власть характеризуется тем, что власть каждого из субъектов социального отношения уравновешивается властью другого субъекта (Wrong D.H. *Power: Its Forms, Bases, and Uses*. 3rd ed. - New Brunswick and London, 2002. – P. 11-13).

⁴ В данном случае мы не акцентируем внимание на том, кто представляет собой государство как субъект власти – правящая элита, господствующий класс, партийно-государственная бюрократия и т.п., допуская возможность широкого толкования.

⁵ Данная аналитическая схема строится на концепции политической власти, включающей в себя в качестве форм политической власти государственную власть, политическое влияние и формирование политического сознания (Ледяев В.Г. *Формы политической власти: концептуальный анализ* // *Вестник ИГЭУ*. - 2002. - № 2; Birch A.H. *The Concepts and Theories of Modern Democracies*. - L., Routledge, 2001).

организаций) пересекаются и в ряде аспектов (отчасти) совпадают: субъекты государственной власти могут представлять определенный сегмент гражданского общества, агентами политического влияния выступают как государственные, так и негосударственные акторы, а в формировании политического сознания (третье лицо власти по С. Луксу) участвуют наиболее влиятельные группы гражданского общества, представленные в государстве.

Если попытаться нарисовать идеальную модель взаимоотношений между государством и гражданским обществом, то власть государства должна соответствовать следующим требованиям:

Во-первых, ее сфера ограничена настолько, чтобы гражданское общество могло самостоятельно реализовать свои инициативы и деятельность по реализации частных интересов граждан; государство не может препятствовать осуществлению этой деятельности, если она не выходит за рамки закона (реализация либерального принципа «негативной свободы»). Практически это означает, что правовая сфера закрепляет определенные зоны свободы граждан от вмешательства государства, а государство не нарушает установленные им правовые нормы.

Во-вторых, власть государства, обеспечивающая осуществление прав и свобод граждан достаточно эффективна, чтобы гарантировать организациям гражданского общества и гражданам их права и свободы, а также возможность участвовать в реализации своих интересов в частной сфере, несмотря на неизбежные попытки других групп противодействовать этому в силу расхождения их интересов, целей и/или ценностей. Т.е., государство должно быть способным преодолевать незаконные (неформальные, нелегитимные) способы влияния на гражданское общество со стороны его отдельных сегментов.

В свою очередь, потенциал влияния гражданского общества на государство в идеале предполагает (а) его относительно равномерное распределение среди всех основных социальных групп, (б) нейтральность государства (как это описано представителями классического плюрализма), (в) наличие легальных (формальных) каналов влияния на деятельность государства⁶ и (г) ресурсов сопротивления стремлению государства (режима) к монополизации власти.

Если попытаться с этих позиций оценить современную российскую политическую практику, то дисбаланс в отношениях между государством

⁶ Нелегальные (неформальные) каналы влияния на государство есть в любом обществе, но без наличия у граждан политических прав и свобод нет *гражданского общества*.

и гражданским обществом представляется настолько значительным, что многие исследователи ставят под сомнение само существование гражданского общества в России.⁷

Во-первых, государство не обеспечивает (должным образом) сохранение автономии гражданского общества и не стремится к этому, поскольку воспринимает его как угрозу стабильности режима и власти правящей элиты. Конкретные практики подавления автономии включают широкий набор средств и форм власти: законодательные ограничения возможностей формирования и деятельности негосударственных организаций (финансовый контроль за НКО⁸), попытки контролировать движения, возникшие в результате реакции населения на неадекватные действия властей (протест против закона о монетизации льгот), формирование подконтрольных Кремлю структур, призванных сформировать (сверху) сеть общественных организаций («Наши»), ограничение доступа в политическое пространство с помощью выборочного (произвольного) применения легальных силовых ресурсов государства (использования правоохранительной системы, налоговых служб и др.) или угрозы их применения, создавая механизм «правления предвиденных реакций».⁹

Во-вторых, правящая элита не столько борется с неформальными практиками, сколько культивирует их, не желая устанавливать стабильные «правила игры» для всех (в том числе и для самой власти). Неопределенность ограничивает возможности гражданского общества, но способствует воспроизводству режима.

В-третьих, власть сама хочет выстроить гражданское общество, а не сформировать условия для его появления и развития. Между тем попытки искусственного создания негосударственных организаций и структур с помощью государственного ресурса скорее препятствуют становлению гражданского общества, поскольку созданные образования будут

⁷ Хлопин А. Гражданское общество в России: идеология, утопия, реальность // Pro et Contra. - 2002. - Т. 7. - № 1.

⁸ Запрет на финансирование некоммерческих организаций из-за рубежа фактически оставляет им возможность иметь только государственные источники финансирования, поскольку после «дела Ходарковского» бизнес вряд ли отважится поддерживать организации без санкции сверху (Корольков Н., Цветкова Е., Киселев В., Фролов С. Современная Россия: стабильность или застой // Власть. 2006. № 2. С. 83).

⁹ Термин «правление предвиденных реакций» (the rule of anticipated reactions) был впервые использован К. Фридрихом для объяснения тех случаев осуществления власти, где объект действует в соответствии с предполагаемыми намерениями субъекта, предвидя его реакции.

неизбежно зависеть от своих создателей и их автономия останется ограниченной.

В-четвертых, дисбаланс в потенциале взаимного влияния государства и гражданского общества обусловлен изначальной слабостью самого гражданского общества, связанной с тем, что многие его сегменты (в том числе и те, которые явно недовольны нынешним режимом) не готовы мобилизовать свои ресурсы для противодействия власти. Характер и интенсивность властных отношений, как известно, зависят как от субъекта, так и от объекта («каждый народ имеет то правительство, которого заслуживает». Причины слабой мобилизации могут быть связаны как с наличием существенных издержек политического участия, обусловленных параметрами режима и социально-экономическими факторами, так и слабой представленностью гражданской культуры (в терминах Г. Алмонда) в политико-культурной конфигурации российского общества,¹⁰ а также факторами, связанными с российским прошлым (коммунистический опыт, неудачный опыт демократизации при президенте Ельцине и авторитарный характер правления президента Путина.¹¹

Чтобы понять и объяснить причины данного дисбаланса нужна адекватная концепция политической власти. Поскольку спектр взаимного воздействия государства и гражданского общества достаточно вариативен, для их объяснения в терминах власти необходимо использование многомерных концепций власти, не ограничивающих политическую власть открытым и публичным процессом принятия политических решений, а учитывающих скрытые практики власти и господства, которые могут и не осознаваться субъектом и объектом. Скрытые практики власти существуют в любом обществе, однако в контексте российской политической практики их изучение имеет особое значение, поскольку они позволяют объяснить причины пассивности людей, их готовность повиноваться в ситуациях, где власть действует вопреки их интересам; одновременно они заключают в себе потенциал сопротивления господству, который в иных обстоятельствах может быть реализован. При этом роль скрытых форм власти объективно более

¹⁰ Мэнн отмечает, что дисбаланс в отношениях между государством и гражданским обществом, является вполне обычным явлением. Возрастание ресурсов государства может дать определенные выгоды различным социальным группам (например, для проведения модернизации экономики или эффективного отражения внешней угрозы), что обеспечивает их согласие на расширение ресурсов и, соответственно, возможностей государства (Mann M. Op. cit. P. 323).

¹¹ Шмидт Д. Указ. Соч. С. 9-11.

высока в тех странах, где слабы формальные политические институты, а правила игры постоянно корректируются.

Что конкретно следует понимать под скрытыми формами власти? Хотя о них писали многие авторы,¹² их концептуализация обычно ассоциируется со Стивеном Луксом, который еще в 1974 г. выступил с критикой т.н. «одномерной» и «двухмерной» концепций власти. Сама дискуссия по поводу «лиц власти» власти началась после публикации статей американских политологов П. Бахраха и М. Баратца,¹³ настаивавших на необходимости учета «второго лица власти», которое заключается в способности субъекта ограничить сферу принятия решений «безопасными» проблемами («непринятие решений»); они указали на существование власти в ситуациях, где субъект добивается исключения возможности принятия невыгодных ему решений на различных фазах политического процесса. Как показывает политическая практика, непринятие решений – это, прежде всего, удел сильного (в нашем случае – государства), способного использовать различные барьеры и фильтры (идеологические, процедурные, финансовые, организационные) для формирования необходимой правящему режиму повестки дня.

Следующий виток дискуссии приходится на 70-е гг. в связи с публикацией брошюры С. Лукса «Власть: радикальный взгляд»,¹⁴ который существенно расширил и развил многомерное понимание власти, предложив «трехмерную» (three-dimensional) концепцию власти, включающую в сферу политической власти (наряду с двумя первыми «лицами») способность субъекта формировать внешний консенсус между субъектом и объектом в результате навязывания объекту чуждых ему ценностей и целей. В этой сфере властных отношений возможности государства и гражданского общества также несоизмеримы, поскольку главный ресурс – контроль за СМИ и образовательными учреждениями – находится в руках государства. Сегодня государство проводит активную кампанию по формированию консервативно-почвенного сознания, дискредитации либеральной демократии и таких ее атрибутов, как плюрализм, автономия, участие, предлагая считать естественным

¹² В числе основателей многомерного видения власти чаще всего называется А. Грамши, уделивший специальное внимание формированию идеологической гегемонии и «ложного сознания» как важнейшей формы классового господства в буржуазном обществе.

¹³ Bachrach P. and Baratz M.S. Two faces of power // American Political Science Review. - 1962. - Vol. 56. - № 4. P. 947-952; Bachrach P., Baratz M.S. Decisions and nondecisions: An analytical framework // American Political Science Review. - 1963. - Vol 57. - № 3. - P. 641-651.

¹⁴ Lukes S. Power: A Radical View. - Basingstoke and London: Macmillan, 1974.

«большое» государство и такой порядок вещей, где все замыкается на вертикали власти.

Впоследствии к дискуссии подключились многие исследователи, попытавшиеся критически переосмыслить имеющийся опыт многомерных концептуализаций власти (Дж. Дебнем, Т. Бентон, А. Брэдшоу, С. Клегг, Т. Вартенберг и др.). Параллельно этому, скрытые формы господства были и остаются предметом повышенного внимания исследователей марксистской ориентации, а также представителей элитистских интерпретаций распределения политической власти, связывающих доминирующую роль крупного бизнеса в современных демократических странах не столько с его активностью и мобилизованностью, сколько с институциональными и системными преимуществами, выдаваемыми за естественные и неизбежные. Кроме того, появились работы известных социальных мыслителей (М. Фуко, П. Бурдьё, Дж. Скотт), которые с самого начала вывели политическую власть за пределы публично-государственного ареала, растворяя ее, в большей или меньшей степени, во всем пространстве жизни социума. Так, у Фуко скрытые формы власти имманентны определенным видам знания, определяющим социальные практики в различных областях человеческой жизни. Они формируют «дисциплинарную власть», дисперсивную в своем многообразии, практически неосознаваемую и проникающую в те сферы человеческой жизни, которые ранее считались свободными от власти. В концепции Бурдьё для обозначения «невидимой» власти используется понятие «символическая власть», которое обозначает скорее не отдельную форму власти, а аспект всех форм властных отношений. «Символическая власть» проявляется в характере структурирования социальной реальности на основе достижения консенсуса в определенном видении мира и легитимации соответствующего гносеологического порядка.¹⁵

¹⁵ В то же время многие исследователи сочли данные попытки не вполне концептуально оправданными, по сути отрицая целесообразность выделения новых «лиц» власти (Н. Полсби, К. Доудинг, К. Хейвард). Источники разногласий между исследователями не ограничиваются чисто субъективными факторами или своеобразием способа конструирования (выведения) понятия: позиции сторон, так или иначе, отражают различное понимание социальной реальности и отношение к ней. Обычно поиски новых «лиц» власти ведутся теми исследователями, которые склонны видеть причины *политического* неравенства и господства одних групп над другими, прежде всего в частной (непубличной) социальной практике, нередко вуалирующей структурные преимущества или представляющей их в качестве «естественных». Попытки оптимизации когнитивных моделей путем расширения пространства политической власти осуществляются в целях более адекватного объяснения сохранения и воспроизводства элитарного характера политической власти в условиях

Поскольку многие аспекты дискуссии, касающиеся концептуализации власти в форме непринятия решений, третьего и четвертого (М. Фуко) «лиц власти» уже были рассмотрены нами ранее,¹⁶ далее мы ограничимся описанием и кратким комментарием интересной (особенно в контексте размышлений над взаимоотношениями государства и гражданского общества) концепции Джеймса Скотта, предложенной им в книге «Господство и искусство сопротивления».¹⁷ Ценность книги Скотта обусловлена тем, что он базирует свою концепцию на большом эмпирическом материале, собранном в различных странах, но при этом акцентирует внимание на общих для всех систем механизмах господства; при этом, что не менее важно, он не только объясняет основания и причины господства, но и показывает потенциал сопротивления господству и его возможные стратегии.

В книге показано действие неосознаваемых механизмов власти при употреблении определенных типов речевых транскриптов («публичного» и «скрытого»), формирующих и закрепляющих господство одних социальных групп над другими.

Для Скотта очевидно, что исследование властных отношений требует анализа субъективной стороны взаимодействия людей — опыта подчинения и его культурных составляющих. Без этого невозможно адекватно понять, с одной стороны, причины пассивности и покорности людей в системах, генерирующих неравенство и поддерживающих

действия формальных демократических институтов. В практическом контексте аналитический поиск направлен на выявление форм политической власти, выходящих за рамки «общественного договора» с целью их нейтрализации и/или ограничения при помощи институциональных, правовых и моральных регуляторов. Поиски скрытых преимуществ обычно ведут исследователей к пониманию власти как структурно-обусловленного отношения между акторами, не обязательно рефлектируемого и интенционального, и по сути стирающего грань между властью и безликим структурным контролем. Их оппоненты менее склонны видеть власть в качестве универсального основания социального неравенства; в их концептуализациях власть представляет собой лишь один из возможных факторов воздействия на объект, в котором четко прослеживается ответственность субъекта за изменение состояния и/или деятельности объекта.

¹⁶ Ледяев В.Г. Власть, интерес и социальное действие // Социологический журнал. - 1998. - №1-2. - С. 79-94; Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. - М.: РОССПЭН, 2001; Ледяев В.Г., Ледяева О.М. Многомерность политической власти: концептуальные дискуссии // Логос. - 2003. - № 4-5. - С. 23-32; Подорога В.А. Власть и познание (археологический поиск М.Фуко) // Власть: очерки современной политической философии Запада /Отв. ред. В.В. Мшевениерадзе. - М.: Наука, 1989. С. 206-255.

¹⁷ Scott J.C. Domination and the Art of Resistance: Hidden Transcripts. - New Haven and London: Yale University Press, 1990.

господство, с другой стороны – источники и возможности сопротивления системе и потенциал ее изменения. Главная новация Скотта состоит в дистинкции между «публичным транскриптом» («открытая интеракция между властными и подвластными») и «скрытым транскриптом» («дискурс, который имеет место «за сценой» вне непосредственного наблюдения со стороны субъекта власти»).¹⁸ Каждая подвластная группа создает скрытый транскрипт, в котором отражается критическое отношение к власти за ее спиной («то, что нельзя говорить при власти»). Скрытый транскрипт формируется и в среде властвующих субъектов; в нем содержится то, что не может быть открыто выражено. Таким образом, открытая интеракция между субъектом и объектом – это лишь внешняя часть властной практики; вне публичной сферы их поведение, язык, привычки и традиции оказываются существенно иными, и они также определяют характер политических отношений.

Каждый вид речевого дискурса выполняет свои особые социальные функции. В публичной коммуникации отражается принятие подвластными определенных норм подчинения и уважения к властвующим, необходимое для избегания наказания, приспособления к системе и выживания. Одновременно через нее реализуется идеологическая власть элиты, создающей и поддерживающей символические ресурсы своего господства (ритуалы, выражения единства и одобрения, сокрытия, эвфемизмы). Однако несмотря на доминирование в идеологическом дискурсе, элита не обладает полной гегемонией,¹⁹ которая на самом деле оказывается лишь выражением публичного транскрипта. Скотт отвергает идею «ложного сознания», считая, что даже в ситуациях тотального господства у подвластных остается возможность видеть альтернативные формы организации общества. Если публичные транскрипты служат легитимации власти (в некотором смысле, они представляют собой «самопортреты властвующих элит», средства сокрытия «грязных» сторон власти и ее «натурализации»), то вектор скрытого дискурса подчиненных направлен против доминирующей идеологии; в нем подвластные создают и поддерживают социальное пространство инакомыслия. Критическое отношение к власти в данном

¹⁸ Ibid. P. 2, 4.

¹⁹ Скотт различает «толстую» (thick) и «тонкую» (thin) версии идеологической гегемонии. В первой версии объект действительно верит в предпочтительность существующего социального порядка, во втором – просто уверен, что данный порядок, хотя и не справедливый, является естественным (неизбежным). Хотя вторая версия считается более «реалистичной», чем первая, Скотт отвергает обе (Scott J. Op. cit. P. 71-107).

пространстве выражается в слухах, жестах, шутках, театрализации и т.п. В силу этого сознание подвластных оказывается значительно ближе к реальности, чем это можно было бы предположить исходя из публичного речевого дискурса, и это сохраняет им потенциал понимания политического действия.

Таким образом, учет скрытого дискурса подвластных и его сравнение с публичным транскриптом является обязательным элементом объяснения политической сферы; именно в нем подвластные оказываются участниками политики («инфраполитики») и проявляют свой потенциал сопротивления. «В условиях тирании и преследования, в которых живет большинство исторических субъектов — это и есть политическая жизнь».²⁰ Более того, скрытые транскрипты создают основание для открытых форм социальных движений и восстаний, которые могут появиться, в том числе и вследствие нарушения публичных правил игры («король должен вести себя как бог»). Соответственно, политические прорывы возникают тогда, когда скрытые транскрипты начинают открыто артикулироваться. Граница между публичным и скрытым транскриптами является подвижной, что позволяет понять, почему некоторые режимы, внешне очень прочные, могут достаточно быстро закончить свое существование.

Таким образом, Скотт, с одной стороны, отвергает идею ложного сознания и гегемонии, с другой стороны, продолжает логику Грамши, Лукса, Фуко и др., настаивавших на необходимости выхода политического дискурса за пределы публично-обозреваемых проявлений власти. Естественно, что «дискурс за сценой» очень труден для изучения, поэтому он обычно оказывается вне поля зрения исследователей.²¹

В контексте рассмотрения взаимоотношения между государством и гражданским обществом в России, выделение им публичного и частного видов политического дискурса и «инфраполитики», с одной стороны, дает возможность увидеть потенциал противодействия монополизации власти и свертыванию либерально-демократических институтов, который сохраняется, несмотря на сужение сферы публичной политики. Скрытый транскрипт осуществляет денатурализацию идеологической гегемонии и даже в условиях тотального доминирования оставляет пространство автономии. Те сегменты, группы и организации гражданского общества, интересы и цели которых

²⁰ Ibid. P. 201.

²¹ Ibid. P. 87.

расходятся с политическим курсом и/или они обеспокоены усилением авторитарных тенденций в политической жизни сохраняют возможность артикулировать свои идеи через скрытый транскрипт, не опасаясь санкций со стороны режима.²² При этом следует учесть, что несмотря на очевидные ограничения свободы и демократии российский режим оставляет гражданам каналы влияния, а оппозиция хотя и ограничена, но может действовать вполне легально. С этой точки зрения, система господства не является жесткой и жестокой, а режим предпочитает сохранять демократический антураж и не стремится к осуществлению грубого подавления самостоятельности и инициативы, даже если они потенциально опасны.

С другой стороны, концепция Скотта показывает и опасность, таящуюся в быстрой трансформации скрытого транскрипта в публичный, поскольку «настоящие» интересы людей, артикулируемые за пределами публичного пространства и предлагаемые пути их реализации часто бывают неадекватными («скрытый транскрипт также может быть тираничным»)²³ В настоящее время в России получают распространение радикальные идеи, растут ксенофобия и нетолерантность, которые манифестируются открыто, но, и это действительно опасно, воспроизводятся в скрытом транскрипте отдельных групп, открытая мобилизация которых может иметь разрушительные последствия.

²² Поэтому зачатки гражданского общества («конспиративное гражданское общество») (Sztompka P. *Mistrusting civility: predicament of a post-communist society // Real Civil Societies. Dilemmas of Institutionalization.* /Ed. by J.C. Alexander. - London: Sage, 1998) имели место даже в условиях тоталитарной диктатуры. Разумеется, его роль отличалась от роли гражданского общества в демократических странах: оно не было посредником между гражданами и государством, а скорее играло роль «параллельного полиса» – сферы общества, свободной от всевластного государства» (Kaldor M. *Global Civil Society. An Answer to War.* - Cambridge: Polity Press, 2003. – P. 56).

²³ Scott. J. Op. cit. P. 26.